

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.6)
EDN [OZY EVP](https://edn.ru/OZY EVP)
УДК 316.733

Т. Ю. Лиханова¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ДИНАМИКА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ТИПОЛОГИЯ ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Аннотация. Статья направлена на эмпирическую верификацию структуры культурного кода современного российского общества через анализ динамики традиционных ценностей и типологии патриотических установок. Эмпирической базой исследования выступили данные 55-го этапа всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?», проведённого в мае-июне 2025 г. (N=1300, квотная репрезентативная выборка). С использованием методов сравнительного анализа и кластеризации (TwoStep Cluster Analysis) выявлено смещение в иерархии ценностей: на первый план выходят патриотизм, справедливость и единство народов, тогда как значимость личностно-ориентированных и ряда других фундаментальных ценностей (созидательный труд, коллективизм, приоритет духовного над материальным) демонстрирует тенденцию к снижению. На основе кластерного анализа идентифицированы три типа патриотизма: «лояльные традиционалисты» (46,1%) с пассивной эмоциональной привязанностью к Родине; «патриоты-защитники» (26,0%) с выраженной готовностью к вооружённой защите страны; «критические активисты» (27,9%), понимающие патриотизм как гражданскую ответственность за судьбу страны через открытую критику. Каждый тип имеет чёткий социально-демографический профиль, что свидетельствует о структурном разнообразии ценностного ядра и подчёркивает роль жизненного опыта и социальных ролей респондентов в формировании ценностных ориентаций. В заключении делается вывод о необходимости учёта выявленной ценностной неоднородности при разработке мер государственной культурной политики, направленных на укрепление гражданской солидарности и общественной консолидации.

Ключевые слова: культурный код, традиционные ценности, патриотизм, трансформация ценностей, гражданская солидарность, общественная консолидация

Для цитирования: Лиханова Т. Ю. Динамика традиционных ценностей и типология патриотизма в современной России (по данным социологического исследования) // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 85–104. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.6). EDN [OZY EVP](https://edn.ru/OZY EVP).

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-18-00438, <https://rscf.ru/project/23-18-00438/>

Введение. Современная Россия столкнулась с комплексом внешних и внутренних вызовов, ставящих вопросы, связанные с самоопределением общества, на острие общественно-политической и научной дискуссии. В этих условиях актуализируется проблема поиска устойчивых оснований для национальной консолидации и общественной стабильности. Проблема сохранения целостности российского общества напрямую связана с его культурным единством, на поддержание которого направлена государственная культурная политика, что, в частности, отражено в «Стратегии государственной культурной политики до 2030 года», провозглашающей культуру национальным приоритетом. В документе подчёркивается её ключевая роль в повышении качества жизни,

гармонизации общества, а также сохранении единого культурного пространства и территориальной целостности России¹. Однако единство только лишь на уровне внешних проявлений культуры (языка, искусства, праздников) является недостаточно устойчивым. Более глубокой основой для подлинной консолидации служит общность фундаментальных ценностей, то есть культурный код, который формирует идентичность и определяет модели поведения и реакции. Именно этот код, выступая в качестве ДНК культуры, обеспечивает её преемственность и целостность. Поэтому в «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года» справедливо отмечается, что «современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код»².

Таким образом, в официальных документах культурный код обозначается в качестве основы единства российского общества. Однако декларация в стратегических документах не гарантирует, что он является устойчивым, и что все члены общества являются его носителями. Современные вызовы, как внешние, так и внутренние, оказывают постоянное давление на систему ценностей. В этой связи возникает необходимость не просто констатировать наличие культурного кода, а изучить его актуальное состояние. Для решения этой задачи необходимо эмпирическое исследование, опирающееся на чёткую теоретическую базу.

Проблема исследования заключается в отсутствии комплексного, эмпирически верифицированного понимания структуры системы традиционных ценностей россиян. В условиях обострения вызовов суверенитету государства ключевой интерес представляет изучение ценности «патриотизм», занимающей, по данным исследований, центральное место в этой системе. В связи с этим особую остроту приобретает вопрос о конкретном содержании данного понятия, степени смыслового консенсуса вокруг него и возможности построения его типологии на основе вариативности восприятия.

Исследовательский вопрос: какова структура культурного кода современных россиян, проявляющаяся в иерархии традиционных ценностей и типологии патриотических установок?

Цель исследования — выявить и проанализировать текущую иерархию традиционных ценностей в массовом сознании россиян, а также эмпирически верифицировать структуру и типологию патриотических установок. Для достижения этой цели в статье решаются следующие задачи:

- проанализировать структуру и иерархию традиционных ценностей в общественном сознании;
- выявить социально-демографические профили носителей ключевых традиционных ценностей;
- определить структуру и динамику представлений о патриотизме в современной России;

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71243400/> (дата обращения: 05.09.2025)

² О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 (в редакции указов Президента РФ от 06.12.2018 № 703, от 15.01.2024 № 36). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 10.09.2025).

- провести кластерный анализ для выявления типологии патриотических установок;
- определить социально-демографические профили типов патриотических установок.

Теоретической основой исследования выступает концепция культурного кода, который понимается как структура базовых ценностей, определяющих идентичность и нормативно-смысловые ориентиры общества, что особенно важно в период масштабных социальных трансформаций [1, с. 362]. Такой подход позволяет операционализировать концепт для эмпирического исследования, фокусируясь на тех ценностях, которые выбирают и разделяют респонденты.

В качестве методологической основы мы опираемся на классические и современные социологические традиции. В рамках структурно-функционального подхода (Т. Парсонс) ценности рассматриваются как высшие регуляторы социального действия, обеспечивающие целостность и воспроизводство социального порядка [2]. Неофункционализм (Дж. Александер) трактует культурные коды как культурные смыслы социальной жизни, где каждая базовая ценность становится живым смыслом, формирующим восприятие прошлого, настоящего и будущего [3]. Структуралистский конструктивизм (П. Бурдьё) позволяет анализировать разделяемые ценности как систему классифицирующих схем (габитус), которые функционируют как инструменты восприятия и конструирования социального мира [4]. Синтез этих подходов позволяет рассматривать ценности не как случайный набор предпочтений, а как базовые элементы, формирующие «очки», через которые происходит интерпретация реальности. Это создаёт основу для эмпирического изучения специфики культурного кода.

Эмпирическая операционализация концепции «культурный код» была реализована через два взаимодополняющих комплекса индикаторов, измеренных в ходе массового опроса. Первым комплексом выступила иерархия традиционных ценностей, где индикаторами кода стали стабильность иерархии ценностей, а также связь между выбором определённых ценностей и социально-демографическими характеристиками респондентов. Во втором комплексе были проанализированы восприятие патриотизма (измеренное через структуру конкретных смыслов, вкладываемых в данное понятие) и структура патриотических установок (индикаторами кода выступили выявленные методом кластерного анализа типы патриотических установок, демонстрирующие устойчивые связи с социально-демографическими характеристиками респондентов). Именно устойчивость, взаимосвязь и социальная укоренённость этих ценностных структур позволяют рассматривать их как эмпирические проявления культурного кода.

Актуальность предложенного анализа находит подтверждение в конкретных социологических исследованиях. Они демонстрируют, что ряд моральных норм и социальных установок, разделяемых большинством россиян, обладает свойствами, которые в рамках нашего подхода интерпретируются как проявления культурного кода: они типичны для нации, устойчивы во времени и структурно взаимосвязаны [5].

Данное исследование исходит из фундаментальной предпосылки о том, что «человеческое сознание, духовность, культура развивается в конкретном историческом, социально-политическом и экономическом контексте. И все явле-

ния, происходящие в данной сфере, должны рассматриваться в диалектическом единстве с этим контекстом» [6, с. 9]. Именно поэтому анализ культурного кода России не может быть оторван от анализа тех глубоких трансформационных процессов, которые характеризуют современный этап её развития.

Эмпирической основой проведённого исследования выступают данные 55-го этапа всероссийского социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» [7], проводимого Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН с 1992 года (руководитель — В. К. Левашов). Автор статьи входит в исследовательский коллектив, работающий над данным проектом. Полевой этап опроса проведён в мае-июне 2025 г. в 22 регионах страны среди совершеннолетних жителей (N=1300). Использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с учётом пола, возраста, образования, местожительства и экономико-географического районирования, что позволяет обеспечить репрезентативность данных на уровне федеральных округов и регионов. Максимальная ошибка выборки с вероятностью 95% не превышает 3%. В сравнительных целях и для демонстрации динамики в тексте фигурируют также данные предыдущих этапов мониторинга. При обработке данных применялись методы кросс-табуляции с оценкой значимости связей по критерию хи-квадрат Пирсона и кластерного анализа.

Иерархия традиционных ценностей в массовом сознании россиян. В данном исследовании работа с концептом «традиционные ценности» требует методологического уточнения. С одной стороны, этот термин активно используется в официальном дискурсе, будучи закреплён в Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022 г.)³. С другой стороны, политическое обозначение определённых ценностей как традиционных для российского общества автоматически не означает, что они являются таковыми. Данное исследование не ставило целью верифицировать традиционность ценностей, закреплённых в Указе Президента, мы ограничились анализом их иерархии и устойчивости в общественном сознании на основе имеющихся данных мониторинга. В инструментарий исследования были включены следующие ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека», «патриотизм, гражданственность», «служение Отечеству, ответственность за его судьбу», «высокие нравственные идеалы», «крепкая семья», «созидательный труд», «приоритет духовного над материальным», «гуманизм», «милосердие», «справедливость», «коллективизм», «взаимопомощь и взаимоуважение», «историческая память и преемственность поколений». А также на основе экспертного мнения и для более полного охвата современного ценностного поля в опросник были также добавлены «охрана окружающей среды и природы» (в контексте устойчивого развития) и «религиозные традиции и ценности» (как одна из базовых основ российской идентичности).

Анализ данных социологического мониторинга «Как живёшь, Россия?» (см. табл. 1) позволяет выявить ряд важных тенденций в восприятии традиционных ценностей как основы суверенитета, безопасности и устойчивого развития России.

³ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: <https://docs.cntd.ru/document/352246667> (дата обращения: 05.10.2025).

Таблица 1

Мнение респондентов о том, какие ценности* сегодня наиболее значимы для обеспечения суверенитета, безопасности и устойчивого развития российского государства и общества (% от числа опрошенных)

Ценности	2024	2025
Патриотизм, гражданственность	47	47
Крепкая семья	51	45
Жизнь, достоинство, права и свободы человека	58	43
Справедливость	40	43
Защита и служение Отечеству, ответственность за его судьбу	37	39
Единство народов России	30	39
Историческая память и преемственность поколений	29	27
Взаимопомощь и взаимоуважение	27	27
Высокие нравственные идеалы	23	23
Созидательный труд	26	21
Охрана окружающей среды и природы	19	16
Религиозные традиции и ценности	-	9
Милосердие	13	9
Приоритет духовного над материальным	10	8
Гуманизм	9	8
Коллективизм	5	4
Какие ещё, напишите 2024: строгость законов, ответственность; 2025: адекватная власть, сменить всех чиновников)	0,2	0,7

Примечание: * в инструментарии 2024 года — «традиционные ценности». Формулировка вопроса скорректирована на основании экспертной оценки; Сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.

Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?» за 2024 и 2025 гг. [7, с. 59].

Наиболее значимыми в 2025 году остаются патриотизм и гражданственность (этот пункт выбирают стабильно 47% респондентов), справедливость (рост с 40% в 2024 году до 43% в 2025 году), защита Отечества и ответственность за его судьбу (с 37% до 39%), единство народов России (значительный рост с 30% до 39%). Эти ценности образуют устойчивое смысловое ядро, связанное с государственностью и гражданской солидарностью. Отмечается снижение значимости личностно-ориентированных ценностей. Заметно снизились показатели у ценностей, связанных с индивидуальными правами и благополучием: жизнь, достоинство, права и свободы человека — резкое снижение с 58% до 43%; крепкая семья — с 51% до 45%. Возможно, это связано со смещением акцента с частной сферы на общественно-государственную в общественном сознании. Кроме этого, отмечается рост значимости гражданской солидарности и единства. Мы видим рост таких ценностей, связанных со сплочением общества, как единство народов России (+9 п.п.), справедливость (+3 п.п.), защита Отечества (+2 п.п.). Это может быть реакцией на внешние вызовы и осознаваемую гражданами необходимость консолидации.

Стабильно средний уровень значимости демонстрируют ценности взаимопомощи и взаимоуважения (27%), высоких нравственных идеалов (23%), исто-

рическая память (небольшое снижение с 29% до 27%). Они определяют нравственную основу общества. Отмечается небольшое снижение интереса к ценностям устойчивого развития и духовным ценностям, таким как созидательный труд (с 26% до 21%), охрана окружающей среды (с 19% до 16%), приоритет духовного над материальным (с 10% до 8%), милосердие (с 13% до 9%). Это может говорить о прагматизме общественного сознания в условиях текущих вызовов. Гуманистические и коллективистские ценности демонстрируют низкую поддержку на уровне 4-8%. Можно предположить, что традиционный коллективизм уступает место государственно-гражданской солидарности.

Таким образом, на основе анализа можно отметить, что среди традиционных ценностей на первый план выходят патриотизм, справедливость и единство. Религиозные и духовные ценности уступают приоритет ценностям гражданской ответственности и обороны. В приоритете ценности, которые ассоциируются с сильным государством, суверенитетом и консолидацией, а не с морально-религиозными или либеральными идеалами.

Для анализа связи между ценностными ориентациями и социально-демографическими характеристиками были отобраны переменные, наиболее часто называемые респондентами среди значимых: «права и свободы человека», «справедливость», «крепкая семья», «патриотизм и гражданственность», «единство народов России» и «защита и служение Отечеству». На основе этих данных для каждой из шести выбранных ценностей были сформированы бинарные переменные по следующему принципу: переменная получала значение «1», если респондент выбрал данную ценность среди пяти самых значимых; переменная получала значение «0», если респондент не выбрал данную ценность в числе наиболее значимых. После чего для каждой из шести бинарных ценностных переменных был проведён парный анализ с социально-демографическими показателями с целью выявления значимых статистических связей. Для анализа взаимосвязи социально-демографических характеристик с ключевыми ценностями использовался критерий хи-квадрат. При интерпретации результатов основное внимание уделялось выделению контрастных групп, в которых данная ценность значима в наибольшей или наименьшей степени.

При анализе ценности «Права и свободы человека» (см. табл. 2) были выявлены статистически значимые связи по критерию хи-квадрат с переменной «возраст» ($p < 0,001$), «наличие детей» ($p < 0,001$), «семейное положение» ($p = 0,004$), «субъективная оценка уровня доходов» ($p = 0,025$).

Таблица 2

Распределение значимости ценности «Права и свободы человека» по социально-демографическим группам

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Возраст	18-24 года	59,6
	25-30 лет	47,3
	31-40 лет	47,8
	41-50 лет	41,3
	51-60 лет	36,7
	старше 60 лет	34,3

Окончание таблицы 2

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Наличие детей	нет детей	52,8
	есть дети	40,0
Семейное положение	не состоят в браке	48,6
	состоят в браке	40,2
Уровень дохода	могут ни в чём себе не отказывать	32,3
	хватает на товары длительного пользования	47,7
	хватает на продукты и одежду	44,4
	хватает только на продукты	34,1

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

Наблюдается зависимость между возрастом и выбором данной ценности. Чем моложе респондент, тем права человека для него актуальнее и важнее. Так, 59,6% молодёжи (18–24 года) считают права человека ключевой ценностью. При этом только 34,3% пожилых респондентов (60+ лет) разделяют эту позицию. Наивысшая поддержка данной ценности осуществляется в группе тех, у кого денег достаточно для покупки большинства товаров длительного пользования (47,7%), а также тех, у кого денег достаточно для покупки продуктов и одежды, но не для крупных покупок (44,4%). Наименьшая поддержка характерна для групп, как с самыми низкими доходами («Денег хватает только на продукты») (33,3%), так и с самыми высокими доходами, которые могут ни в чём себе не отказывать (32,3%). Финансовая стабильность (отсутствие острой нужды) способствует признанию ценности прав человека, но высокие доходы не дают дальнейшего роста этой поддержки. Это может объясняться таким образом: когда достигается уровень дохода, обеспечивающий удовлетворение материальных потребностей, на первый план выходят нематериальные ценности. Для среднего класса права человека становятся важным инструментом защиты достигнутого благополучия и социальных позиций. В то же время, для групп с максимальными доходами универсальные правовые механизмы могут уступать по значимости индивидуальным стратегиям защиты интересов через личные связи и альтернативные каналы влияния.

Не состоящие в браке более активно выбирают переменную «права и свободы человека», чем семейные люди (48,6% против 40,2%). Также более характерен выбор этой ценности для бездетных респондентов, чем для имеющих детей (52,8% против 40,0%). Таким образом, можно сделать вывод о том, что ценность прав человека в контексте развития России в наибольшей степени разделяется молодыми несемейными и бездетными людьми с прочным финансовым положением. Это формирует социальный профиль групп с наибольшей выраженностью данной ценности в современном российском обществе.

При анализе ценности «Крепкая семья» (см. табл. 3) была выявлена статистически значимая связь по критерию хи-квадрат с переменными «пол» ($p = 0,017$), «семейное положение» ($p = 0,006$), «наличие детей» ($p < 0,001$).

Таблица 3

**Распределение значимости ценности «Крепкая семья»
по социально-демографическим группам**

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Пол	Женщины	48,2
	Мужчины	41,5
Наличие детей	Есть дети	47,9
	Нет детей	35,5
Семейное положение	Состоят в браке	47,7
	Не состоят в браке	39,6

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

Женщины значимо чаще выбирают крепкую семью как ценность (48,2% среди выбравших), чем мужчины (41,5%). Респонденты в браке (официальном или гражданском) чаще выбирают «крепкую семью» (47,7%), чем те, кто не состоит в браке (39,6%). Респонденты с детьми значительно чаще выбирают «крепкую семью» (47,9% против 35,5% без детей). Крепкая семья как ценность для развития России наиболее значима для женщин, людей в браке и имеющих детей. Таким образом, «крепкая семья» — это ценность, сильнее всего разделяемая теми, кто уже реализовал себя в семейной жизни. Это указывает на то, что ценность семьи тесно связана с личным жизненным опытом и социальными ролями (родительство, супружество), а не с формальными статусами (образование, доход, профессия).

При анализе ценности «Справедливость» (см. табл. 4) была выявлена статистически значимая связь по критерию хи-квадрат с переменными «возраст» ($p = 0,001$), «наличие детей» ($p = 0,002$), «самооценка принадлежности к социальному классу» ($p < 0,001$).

Таблица 4

**Распределение значимости ценности «Справедливость»
по социально-демографическим группам**

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Возраст	18-24 лет	48,2
	25-30 лет	38,7
	31-40 лет	43,1
	41-50 лет	35,7
	51-60 лет	54,4
	Старше 60 лет	39,7
Наличие детей	Есть дети	40,4
	Нет детей	50,5
Самооценка класса	К высшему классу	5,6
	К среднему классу	40,0
	К низшему классу	42,3
	Затрудняюсь ответить	65,3

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

В группе 51–60 лет доля выбравших справедливость — 54,4%, что выше среднего значения. В группе 41–50 лет, наоборот, доля выбравших справедливость (35,7%) почти в два раза меньше, чем доля не выбравших её (64,3%). Среди респондентов без детей доля выбравших справедливость выше, чем среди респондентов, у которых есть дети (50,5% против 40,4%). Такой парадоксальный ответ может объясняться тем, что выявленная зависимость является отражением разных жизненных ситуаций и систем ценностей. Родители (особенно в активном возрасте) в своих ответах отражают прагматичную, семейно-ориентированную повестку, где непосредственные заботы о благополучии детей могут отодвигать абстрактную «справедливость» на второй план. Респонденты без детей чаще выражают идеологическую, общественно-ориентированную позицию, в которой справедливость выступает фундаментальным принципом идеального общественного устройства. Можно предположить, что именно жизненный контекст влияет на иерархию ценностей даже в ответах на высокоуровневые, идеологические вопросы. Среди респондентов, которые относят себя к высшему классу, значимо ниже доля выбирающих справедливость (5,6%), в то время, как среди затруднившихся при ответе на вопрос об определении своей принадлежности к социальному классу, наоборот, доля выбравших справедливость значимо выше (65,3%). Таким образом, ценность «справедливость» в контексте государственного развития в большей степени связана с определёнными возрастными группами, а также с людьми, не обременёнными родительскими обязанностями.

Анализ таблиц сопряжённости для переменной «Патриотизм и гражданственность» выявил, что ни одна из рассмотренных социально-демографических характеристик (род занятий, наличие детей, семейное положение, возраст, пол, образование, доход) не показывает статистически значимой связи ($p < 0,05$) с выбором патриотизма как ключевой ценности. Это означает, что патриотизм является универсальной, консолидирующей ценностью, которую в равной степени разделяют разные группы российского общества, независимо от их пола, возраста, социального статуса и материального положения. Этот вывод подтверждается результатами, полученными М. М. Назаровым, отмечающим, что поддержка идеи патриотизма распределена в различных группах населения более или менее равномерно, в отличие от других ценностей, имеющих выраженную социально-демографическую специфику [8].

Анализ таблиц сопряжённости для ценности «Единство народов России» (см. табл. 5) демонстрирует её дифференциацию по социально-демографическим признакам. Статистически значимые связи по критерию хи-квадрат обнаружены с рядом переменных: «род занятий» ($p < 0,001$), «наличие детей» ($p < 0,001$), «возраст» ($p < 0,001$), «образование» ($p < 0,001$) и «семейное положение» ($p = 0,028$).

В профессиональном аспекте наиболее яркие отклонения наблюдаются среди работников сферы услуг и торговли, где лишь 22,3% выбрали эту ценность. При этом инженерно-технические работники, наоборот, значимо чаще выбирали данную категорию — 55,2%. Возрастная динамика показывает чёткий тренд. В самой молодой группе (18–24 года) единство поддерживают только 24,6%, что контрастирует с группой старше 60 лет, где ценность разделяют 48,1% респондентов. Образовательный профиль выявляет последовательный рост значимости ценности с повышением уровня образования. Среди лиц со средним школьным образованием единство выбирают лишь 23,8%, тогда как среди обладателей высшего образования — уже 44,0%. Семейный статус и наличие детей

Таблица 5

**Распределение значимости ценности «Единство народов России»
по социально-демографическим группам**

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Род занятий	Инженерно-технические работники	55,2
	Сотрудники органов охраны правопорядка	47,2
	Пенсионеры	45,9
	Военнослужащие	43,5
	Предприниматели	42,4
	Служащие	41,1
	Интеллигенты	40,5
	Безработные	40,5
	Домохозяйки	40,0
	Рабочие	35,7
	Крестьяне	33,3
	Руководители	33,3
	Студенты	29,9
	Работники сферы услуг, торговли	22,3
Наличие детей	Есть дети	41,2
	Нет детей	29,6
Семейное положение	Состоят в браке	40,6
	Не состоят в браке	34,3
Возраст	18-24 лет	24,6
	25-30 лет	38,7
	31-40 лет	33,6
	41-50 лет	41,3
	51-60 лет	38,6
	Старше 60 лет	48,1
Образование	Школьное образование (среднее общее и неполное среднее)	23,8
	Среднее профессиональное образование	37,5
	Высшее образование	44,0

Примечание: Категории внутри характеристики «род занятий» отсортированы по убыванию доли выбравших данную ценностью для наглядности.

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

также являются значимыми факторами. Среди состоящих в браке ценность разделяют 40,6%, а среди не состоящих — только 34,3%. Наличие детей усиливает эту тенденцию: среди родителей единство выбирают 41,2%, тогда как среди бездетных — лишь 29,6%. Таким образом, ценность единства в наибольшей степени разделяется группами, объективно заинтересованными в социальной стабильности (старшее поколение) и преемственности (семейные респонденты с детьми).

Анализ ценности «Защита и служение Отечеству, ответственность за его судьбу» (см. табл. 6) выявил, что данная ценность оказалась одной из самых диф-

ференцированных, демонстрируя связи с ключевыми социально-демографическими факторами. Была выявлена статистически значимая связь по критерию хи-квадрат с переменными «пол» ($p = 0,001$), «род занятий» ($p < 0,001$), «возраст» ($p = 0,004$), «семейное положение» ($p = 0,007$), «наличие детей» ($p = 0,038$), «самооценка принадлежности к социальному классу» ($p = 0,001$).

Таблица 6

Распределение значимости ценности «Защита и служение Отечеству, ответственность за его судьбу» по социально-демографическим группам

Характеристика	Категория	Доля выбравших, %
Род занятий	Военнослужащие	55,6
	Домохозяйки	50,0
	Пенсионеры	49,5
	Инженерно-технические работники	46,0
	Руководители	44,4
	Предприниматели	44,1
	Сотрудники органов охраны правопорядка	40,0
	Рабочие	38,3
	Работники сферы услуг, торговли	37,7
	Служащие	34,9
	Интеллигенты	34,5
	Безработные	23,8
	Студенты	20,8
	Крестьяне	8,3
Наличие детей	Есть дети	40,5
	Нет детей	33,9
Семейное положение	Состоят в браке	41,5
	Не состоят в браке	33,8
Возраст	18-24 лет	27,2
	25-30 лет	38,7
	31-40 лет	35,7
	41-50 лет	41,0
	51-60 лет	37,2
	Старше 60 лет	48,1
Пол	Мужской	43,6
	Женский	34,6
Самооценка класса	Высший класс	61,1
	Средний класс	41,6
	Низший класс	31,6
	Затрудняюсь ответить	29,3

Примечание: Категории внутри характеристики «род занятий» отсортированы по убыванию доли выбравших данную ценность для наглядности.

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

Наблюдается заметное различие между полами. 43,6% мужчин выбирает данную ценность, а женщин только 34,6%. Анализ по роду занятия показывает, что наибольшая поддержка ценности наблюдается среди военнослужащих (55,6%), домохозяек (50,0%) и пенсионеров (49,5%). Также относительно высокие показатели демонстрируют руководители (44,4%), предприниматели (44,1%) и инженерно-технические работники (46,0%). Молодёжь (18–24 года) значительно реже выбирает эту ценность (27,2%), в то время, как респонденты старше 60 лет, напротив, активнее выбирают её — 48,1%. Это поколение, воспитанное в традициях советского патриотизма и прошедшее через опыт «холодной войны». Респонденты, состоящие в браке, чаще выбирают эту ценность (41,5%) против 33,8% не состоящих в браке. Это перекликается с идеей ответственности за семью как малую родину и за страну как большую. Респонденты с детьми чаще выбирают ценность защиты Отечества (40,5% против 33,9% бездетных). Это отражает мотив защиты будущего своих детей и ответственности за судьбу страны, в которой они будут жить. Таким образом, «Защита Отечества» — ценность долга и идентичности. В отличие от универсального «Патриотизма», это более активная и обязывающая ценность, связанная с личной ответственностью и готовностью к служению. Её отличает сильная возрастная специфика. Эта ценность находит более широкую поддержку среди поколения, чьё мировоззрение формировалось в советский период. Для некоторых профессий (военные) эта ценность является не только личным убеждением, но и частью профессиональной этики и корпоративной культуры. Выбор этой ценности демонстрирует связь с традиционным семейным укладом (брак, дети), что указывает на её связь с ценностями преемственности, защиты и ответственности за будущее поколение. Таким образом, «Защита Отечества» — это конкретная и деятельная установка, более характерная для определённых социально-демографических групп, в первую очередь, для мужчин, людей старшего возраста, имеющих семью и связанных с военной службой.

Проведённый анализ продемонстрировал, что значимость ценностей связана с социальными характеристиками. Патриотизм и гражданственность являются универсальными, консолидирующими ценностями, одинаково разделяемыми всеми социально-демографическими группами. В то же время, такие ценности, как права и свободы человека, в большей степени характерны для молодёжи и экономически устойчивых граждан. Ценность крепкой семьи сильнее всего выражена у тех, кто уже реализовал себя в семейной жизни — у женщин, людей в браке и имеющих детей. Напротив, значимость справедливости и единства народов России тесно связана с возрастом, наличием детей и родом занятий, демонстрируя раскол между поколенческими и профессиональными группами. Таким образом, иерархия ценностей формируется под влиянием личного жизненного опыта, социальных ролей и конкретного жизненного контекста человека.

Структура и динамика представлений о патриотизме в российском обществе. Эмпирический анализ подтвердил, что ценность «патриотизм» занимает одно из центральных мест в системе традиционных ценностей российского общества, и её высокий статус носит универсальный характер, не зависящий от социально-демографических факторов. Однако этот консенсус не означает единства в понимании содержания патриотизма. В этой связи возникает задача выявить конкретное содержание, вкладываемое в понятие «патриотизм» различными

группами респондентов, проверить гипотезу о существовании различных типов его восприятия, и, обнаружив их, построить типологию.

Анализ ответов на вопрос, что для респондентов сегодня означает слово «патриотизм» (см. табл. 7) позволяет на основе данных за 2004–2025 гг. выделить структуру и динамику представлений о патриотизме.

Таблица 7
Содержание понятия «патриотизм» в представлениях россиян, 2004–2025
(% от числа опрошенных)

Варианты ответов	2004	2022	2023	2024	2025
Любовь к Родине	63	73	73	80	73
Уважение к народу	–	35	41	44	50
Любовь к своей семье, родным, близким	50	44	54	52	47
Стремление сделать жизнь в своей стране лучше	–	–	28	36	38
Любовь к родному городу, деревне, дому	42	44	35	43	32
Любовь к русской культуре	38	37	30	34	32
Готовность защитить Родину с оружием в руках	–	–	26	34	28
Стремление к социальной справедливости	19	17	15	17	19
Возрождение традиций российского государства	21	21	15	16	16
Готовность говорить открыто о проблемах своей страны	–	–	12	15	13
Возрождение традиций советского государства	10	13	9	9	10
Религиозная вера, которую я исповедую	7	5	5	5	4

Примечание: (–) – отсутствие позиции в инструментарии; сумма ответов превышает 100%, так как респонденты могли отметить несколько позиций.
Источник: Данные мониторинга «Как живёшь, Россия?» [7, с. 82].

«Любовь к Родине» была и остаётся смысловым ядром российского патриотизма. Её доля стабильно высока, а скачок до 80% в 2024 году с последующей стабилизацией на высоком уровне в 73% (2025) указывает на экзистенциальное усиление этой базовой связи в текущий период. Она отражает глубокое, порой слабо рефлекслируемое чувство принадлежности, которое обостряется в ответ на внешние вызовы и становится фундаментальным ответом на вопросы национальной идентичности и коллективного выживания. Такое разделение на эмоциональный компонент (любовь к Родине) и поведенческий (стремление улучшить жизнь в стране) согласуется с теоретической моделью патриотизма как ценности, разработанной Е. В. Селезневой, которая выделяет в его структуре эмоциональный аспект (любовь к Отечеству) и поведенческий (служение ему) [9].

Сопутствующими элементами ядра представлений о патриотизме выступают устойчивые характеристики, демонстрирующие относительную стабильность или выраженный рост. Ключевым элементом выступает «Любовь к своей семье, родным, близким», которую разделяет в разные годы от 44% до 54% опрошенных. Это показывает, что люди понимают патриотизм как чувство, которое начинается с верности и заботы о своих близких. Так в повседневной жизни

проявляется важная черта нашей идентичности — общинность, то есть ценность жизни в кругу «своих». Другим значимым компонентом является «Уважение к своему народу», поддержка которого продемонстрировала существенный рост с 35% до 50%. Увеличение доли этих ответов показывает растущую потребность в осознании культурного своеобразия и в укреплении солидарности между людьми. Таким образом, можно заключить, что культурный код патриотизма в российском обществе в большей степени основан на глубокой аффективной связи со страной и своей общностью.

Кроме того, отмечается рост значимости патриотизма как активной социальной позиции. «Стремление сделать жизнь в своей стране лучше» демонстрирует рост с 28% до 38%. Этот рост отражает формирование созидательной, гражданской составляющей. Данная динамика может быть интерпретирована в рамках теоретического различия двух типов патриотизма, на которое указывает В. В. Маленков [10].

Тот факт, что лишь 13% респондентов считают допустимой открытую публичную критику, отражает особенность российского восприятия патриотизма. В сложившейся системе взглядов лояльность и поддержка страны часто видятся как противоположность публичной критике, которая может ассоциироваться с отчуждением, а не с заботой об улучшениях. Государственно-идеологические конструкции («Возрождение традиций российского государства» — 16%, «Возрождение традиций советского государства» — 10%) также находятся на периферии.

Культурный код патриотизма в современном российском обществе основан на прочной эмоциональной связи с Родиной и своей общностью («мы»), которая проявляется в любви к стране, семье и народу. Эта связь все чаще дополняется установкой на активное созидание и защиту, в то время как рационально-критическое и идеологическое измерения остаются для него второстепенными.

Типология патриотических установок. Анализ трёхкластерной модели, полученной методом TwoStep Cluster Analysis, позволил выявить типологию патриотических установок в исследуемой выборке. Входными переменными выступили 12 бинарных индикаторов, отражающих различные аспекты патриотизма. Анализ показал, что оптимальным является трёхкластерное решение, что подтверждается минимальным значением Байесовского информационного критерия ($BIC = 14840,1$), а также наибольшим отношением мер расстояния (1,393) при переходе от двух к трём кластерам, что указывает на существенное улучшение качества группировки. Распределение респондентов по кластерам является сбалансированным (46,1%; 26,0%; 27,9%), а профили кластеров — содержательно интерпретируемыми, что подтверждает адекватность модели.

Кластер 1, получивший условное название «Лояльные традиционалисты» (46,1% от общей выборки) включает 53,5% всех выбравших любовь к Родине, 71,9% всех ориентированных на русскую культуру и 53,7% всех, для кого патриотизм связан с любовью к семье, родным и близким. Данный кластер концентрирует значительную часть сторонников традиционалистской повестки: на его долю приходится 52,4% всех респондентов, поддерживающих возрождение традиций российского государства. При этом кластер характеризуется выраженной пассивной позицией: в нём сосредоточено лишь 1,1% всех готовых к защите Родины с оружием и 8,8% всех респондентов, готовых открыто говорить о проблемах. Представители данного кластера демонстрируют лояльность к государ-

ству и культурным традициям, но избегают активных действий и критической рефлексии. Их патриотизм можно охарактеризовать как «традиционный».

Кластер 2, получивший условное название «Патриоты-защитники» (26,0% от общей выборки), объединяет подавляющее большинство респондентов, для которых ключевой составляющей патриотизма является готовность к вооружённой защите Родины: на его долю приходится 92,3% всех готовых защищать Родину с оружием в руках. При этом кластер характеризуется умеренным традиционализмом: включает 29,7% всех выбравших любовь к Родине, 21,1% всех ориентированных на русскую культуру, а также характеризуется низкой социальной активностью — объединяет лишь 20,4% всех стремящихся к улучшению жизни и 24,0% всех склонных к критике. Таким образом, для представителей данного кластера характерен патриотизм, для которого ключевой ценностью является готовность к жертвенности и защите. Представители этого кластера воспринимают патриотизм в первую очередь как долг, а не как эмоциональную привязанность или основу для критической позиции.

Кластер 3, условно названный «Критические активисты» (27,9% от общей выборки), концентрирует большинство респондентов с выраженной гражданской активностью: на его долю приходится 67,3% всех готовых открыто говорить о проблемах и 58,3% всех стремящихся сделать жизнь в стране лучше. При этом данный кластер демонстрирует слабую связь с традиционными ценностями: он включает лишь 16,8% всех выбравших любовь к Родине и 7,0% всех ориентированных на русскую культуру. Также кластер характеризуется повышенным вниманием к социальной справедливости, объединяя 46,5% всех респондентов, выбирающих эту характеристику. Патриотизм этого кластера можно охарактеризовать как гражданский и рефлексивный, направленный на конструктивную критику ситуации в стране и на этой основе на преобразование жизни в лучшую сторону.

Основные водоразделы между кластерами проходят по двум осям. Под «осями» понимаются два ключевых противопоставления, которые наиболее чётко разделяют все три кластера. Первая ось «Лояльность–Критика» описывает степень критичности по отношению к текущей ситуации. На ней Кластер 1 («Лояльные традиционалисты») занимает полюс лояльности, Кластер 3 («Критические активисты») — полюс критики, а Кластер 2 («Патриоты-защитники») демонстрирует промежуточную, умеренную позицию. Вторая ось «Направленность активности» противопоставляет активность, ориентированную на защиту страны (Кластер 2), и активность, направленную на её внутреннее развитие и критику (Кластер 3). Кластер 1 («Лояльные традиционалисты») занимает на этой оси позицию, для которой характерна выраженная ориентация на ценностно-символическую идентификацию при минимальной значимости какой-либо деятельностной активности. Полученная типология отражает важные противоречия, существующие в современном общественном сознании. Во-первых, конфликт между безусловной лояльностью и критической вовлечённостью. Во-вторых, различие между эмоциональной привязанностью и гражданской ответственностью. В-третьих, противоречие между традиционными ценностями и ориентацией на изменения.

Для выявления статистически значимых связей между типами патриотизма и ключевыми социально-демографическими характеристиками был проведён анализ таблиц сопряжённости (см. табл. 8). Были выявлены статистически значимые связи ($p\text{-value} < 0,05$) по критерию хи-квадрат с такими переменными, как «род занятий» ($p < 0,001$), «пол» ($p = 0,004$), «тип поселения» ($p < 0,001$), «религия» ($p < 0,001$).

Таблица 8

Социально-демографические профили кластеров патриотизма (%)

Параметр	Характеристика	Кластер 1 Лояльные традициона- листы (n=599)	Кластер 2 Патрио- ты-защит- ники (n=338)	Кластер 3 Критические активисты (n=363)	Среднее по выбор- ке
Тип поселе- ния	Мегалополисы	12,5	7,4	18,7	12,9
	Областные центры	32,4	36,4	27,3	32,0
	Районные центры	28,7	21,9	27,0	26,5
	ПГТ	6,7	5,3	10,7	7,5
	Село	19,7	29,0	16,3	21,2
Пол	Мужской	46,6	55,0	43,0	47,8
	Женский	53,4	45,0	57,0	52,2
Род занятий	Работники сферы услуг	11,7	12,4	17,4	13,5
	Служащие	13,5	10,9	7,7	11,2
	Интеллигенты	11,5	8,3	14,0	11,4
	Военнослужащие	2,2	5,6	1,1	2,8
	Сотрудники правопо- рядка	1,5	1,8	0,0	1,2
	Студенты	5,3	4,1	8,5	5,9
Религия	Православие	73,6	79,6	62,5	72,1
	Неверующий	14,7	8,6	17,1	13,8
	Верю в сверхесте- ственное	6,3	6,8	14,3	8,7

Примечание: В таблице представлены только те социально-демографические характеристики, которые демонстрируют статистически значимые различия между кластерами ($p < 0,05$). Не включены переменные, где распределение по кластерам не отличалось от средних значений по выборке: возраст, образование, доход, а также профессиональные группы без значимых отклонений (рабочие, крестьяне, инженерно-технические работники, руководители, предприниматели, пенсионеры, домохозяйки, безработные).

Выделение цветом отражает направленность отклонений: зелёный — значимое превышение процента в кластере над средним по выборке, красный — значимое снижение процента.

Источник: рассчитано автором на основе данных 55-го этапа мониторинга «Как живёшь, Россия?».

Анализируя социально-демографические характеристики кластеров, мы видим, что среди респондентов, относящихся к Кластеру 1, доля проживающих в сельской местности составляет 19,7%, а в областных центрах — 32,4%. Эти показатели выше, чем в других кластерах.

Среди респондентов Кластера 2 доля проживающих в сельской местности составляет 29,0%, что превышает средний показатель по выборке (19,7%), а доля жителей мегалополисов, напротив, минимальна (7,4%). Это единственный кластер с преобладанием мужчин (55,0%). Также в нём сосредоточена наибольшая доля военнослужащих (5,6%) по сравнению с другими кластерами.

Кластер 3 заметно отличается от других по своему территориальному профилю: доля жителей мегалополисов в нём составляет 18,7% (при среднем значении 12,9%), а доля жителей ПГТ — 10,7%. Этот кластер демонстрирует наибольший отход от традиционной религии, о чём свидетельствует максимальная среди остальных кластеров доля неверующих (17,1%) и респондентов, верящих в «сверхъестественные силы» (14,3%). В профессиональном разрезе здесь наиболее высока доля работников сферы услуг (17,4%), интеллигенции (14,0%)

и студентов (8,5%) по сравнению с другими кластерами. Среди респондентов кластера также заметно преобладают женщины (57,0%).

Данные свидетельствуют о территориальной дифференциации патриотических установок. Традиционный патриотизм доминирует в провинции, в то время как критический активизм более характерен для крупных городов. Мужчины чаще выражают приверженность оборонительному патриотизму, в то время как женщины тяготеют к критически-активной и традиционно-лояльной позициям. Православие в наибольшей степени характерно для «лояльных традиционалистов» и «патриотов-защитников», тогда как «критическим активистам» чаще свойственны атеизм и приверженность нетрадиционным для России верованиям. Силловые структуры воспроизводят «защитников», в то время как сфера услуг, интеллигенция, студенчество и мегаполисы — «критиков». Наши данные не подтверждают данные, полученные Е. Б. Шестопал, согласно которым водораздел в восприятии патриотизма проходит по возрастной линии. Она отмечает, что патриотизм молодых «наполнен иными, чем у старших когорт, индивидуалистическими смыслами. Они не про “служить”, “защитить” или “трудиться” для страны, они про себя и свои чувства» [11]. Однако наш анализ не выявил статистически значимые связи между возрастом и типом патриотизма. Также зафиксированное отсутствие связи с образованием и доходом даёт возможность предположить, что выявленные типы патриотизма не являются прямым следствием социально-экономического статуса.

Проведённый анализ выявил в современном российском обществе три чётко различимых типа патриотизма, которые образуются на пересечении двух основных ценностных осей. Полученная типология имеет пересечение с данными, полученными в ряде других современных исследований, фиксирующих неоднородность патриотического сознания. Так, И. А. Газиева на студенческой выборке, используя факторный и кластерный анализ, выделила три принципиально различных группы по шкале отношения к патриотизму как ценности: «социальных гуманистов» (46,3%), положительно оценивающих патриотизм и родственные ему ценности, «социальных индивидуалистов» (28,4%), занимающих негативную позицию, и «социально неопределившихся» (25,3%) с нейтральными установками [12]. Эта типология также фиксирует трёхчастное деление патриотического сознания, что подтверждает его структурную неоднородность. Более дробная типология В. В. Маленкова, выстроенная на основе кластерного анализа восприятия патриотизма молодёжью, включает шесть типов, в числе которых, однако, чётко прослеживаются ключевые полюса, выявленные в нашем исследовании: лояльно-традиционный, защитный и критико-созидательный [10]. Эмпирическое исследование И. М. Кузнецова в регионах России также подтвердило наличие трёх ключевых латентных структур в восприятии патриотизма — «конструктивного», «умеренного» и «охранительного» [13]. Результаты лонгитюдного исследования Я. Ю. Шашковой и С. Ю. Асеева, выявившие пять устойчивых кластеров патриотизма среди старшеклассников Сибири («слепой созерцательный», «слепой деятельностный», «конструктивный созерцательный», «конструктивный деятельностный» и «неопределившиеся»), также подтверждают универсальность базового деления на лояльно-традиционный, деятельностно-защитный и критико-конструктивный типы патриотизма [14]. При этом конфигурация этих установок в целостные профили демонстрирует вариативность, обусловленную как различиями в инструментарии исследований, так и спецификой изучаемых групп (молодёжь vs взрослое население).

Каждый тип патриотизма имеет определённую социально-демографическую привязку, что указывает на глубокий раскол в общественном сознании. Патриотизм представляет собой разнородный комплекс установок, где сталкиваются разные понимания долга перед страной: от безусловной лояльности и готовности к защите до критической вовлечённости и стремления к изменениям. Эти различия обусловлены не столько экономическим статусом, сколько ценностными ориентациями и социальной средой.

Заключение. Результаты свидетельствуют о наличии в российском обществе устойчивого, но структурно сложного и динамичного ценностного ядра. Эмпирическая верификация подтвердила, что традиционные ценности в современном российском контексте претерпевают заметную трансформацию, смещая акцент в сторону государственности и гражданской солидарности. На первый план выходят патриотизм, справедливость и единство народов России, в то время как значимость личностно-ориентированных ценностей (таких как права и свободы человека, крепкая семья) и духовных приоритетов (милосердие, приоритет духовного над материальным) демонстрирует тенденцию к снижению, что свидетельствует о прагматизации общественного сознания в условиях текущих вызовов.

Проведённое исследование выявило сложную, фрагментированную природу патриотизма в условиях противоречий, а кластерный анализ позволил выделить три типа патриотических установок: «Лояльные традиционалисты» (46,1%), чей патриотизм основан на эмоциональной связи с Родиной и культурой, но носит пассивный, декларативный характер; «Патриоты-защитники» (26,0%), для которых патриотизм — это прежде всего готовность к жертвенной защите страны; «Критические активисты» (27,9%), понимающие патриотизм как ответственность за улучшение страны через открытую критику и активные действия.

Большинство ценностных предпочтений россиян тесно связаны с социально-демографическими факторами: так, права и свободы человека наиболее значимы для молодёжи, не обременённой семьёй, а ценность крепкой семьи — для тех, кто уже реализовал себя в семейной жизни. При этом такие ценности, как «патриотизм и гражданственность», демонстрируют универсальность, не имея статистически значимой связи с ключевыми социально-демографическими факторами, что подчёркивает их роль консолидирующего начала.

В итоге, неоднородность ценностного ядра и наличие системных противоречий по ключевым ценностным осям создают сложную задачу для формирования общественного согласия и культурно-ценностного единства нации. Это требует от государственной культурной политики гибкого и дифференцированного подхода, который учитывал бы разнородные ценностные запросы и социальные профили различных групп российского общества.

Библиографический список

1. Аникеева Т. Я., Матвеева Л. В., Мочалова Ю. В. Ценностно-смысловые коды внутрикультурных представлений и проблема цивилизационной и культурной идентичности // Человек в информационном пространстве : Сб. научных статей XVI Всероссийской с международным участием междисциплинарной научно-практической конф. (Ярославль, 15-17.11.2018). Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 359–365. EDN [LNRHMK](#).
2. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1997. 270 с.
3. Александер Д. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 1. С. 17–37. EDN [JWURSD](#).

4. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 3. С. 25–48. EDN [OYOBXD](#).
5. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Национальный культурный код: морально-нравственный аспект // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16, № 3. С. 87–119. DOI [10.19181/vis.2025.16.3.6](#). EDN [YPEACQ](#).
6. Иванов В. Н., Левашов В. К., Сергеев В. К. Москва. Россия. Русский мир : социологические очерки. М. : НИЦ «Академика», 2012. 486 с. EDN [QOOJSN](#).
7. Какживешь, Россия? Экспресс-информация. 55 этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 106 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](#). EDN [ERLAQU](#).
8. Назаров М. М. К вопросу о политико-идеологических представлениях россиян // Власть. 2014. № 5. С. 65–70. EDN [SEMQTF](#).
9. Селезнева Е. В. Патриотизм в структуре ценностей государственных служащих // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2023. Т. 9, № 4. С. 67–82. DOI [10.18413/2313-8971-2023-9-4-0-6](#). EDN [WPSGEO](#).
10. Маленков В. В. Образ патриотизма и гражданско-патриотические ориентации молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 60–65. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65](#). EDN [RUVWWO](#).
11. Шестопал Е. Б. Глубинная трансформация ценностных и идентификационных матриц российского общества: размышления над итогами круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2023. Т. 1, № 6. С. 7–30. DOI [10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-7-30](#). EDN [CTHELM](#).
12. Газиева И. А. Патриотизм как социальная ценность: восприятие студенческой молодежи // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 142–169. DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.7](#). EDN [LBVCUJ](#).
13. Кузнецов И. М. Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. 2016. Т. 24, № 7. С. 164–171. EDN [WHYIML](#).
14. Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю. Динамика модели патриотизма в сознании старших школьников регионов Сибири в условиях изменения геополитической ситуации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 3. С. 431–445. DOI [10.21638/spbu23.2023.305](#). EDN [AJOLFT](#).

Поступила: 15.09.2025. Принята: 21.10.2025.

Сведения об авторе:

Лиханова Тамара Юрьевна, младший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

likhanova@ispi.ru

Author ID РИНЦ: [1190059](#); ORCID: [0009-0008-8979-6522](#)

T. Yu. Likhanova¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

DYNAMICS OF TRADITIONAL VALUES AND THE TYPOLOGY OF PATRIOTISM IN MODERN RUSSIA

Abstract. The article aims at empirically verifying the structure of the cultural code of contemporary Russian society through an analysis of the dynamics of traditional values and the typology of patriotic orientations. The empirical basis of the study comprises data from the 55th wave of the nationwide sociological monitoring survey “How Are You, Russia?”, conducted in May–June 2025 (N=1300, quota representative sample). Using methods of comparative analysis and cluster analysis (TwoStep Cluster Analysis), a shift in the hierarchy of values has been identified: patriotism, justice, and the unity of peoples have come to the fore, while the significance of individually oriented and several other fundamental values (creative labor, collectivism, the priority of the spiritual over the material) shows a declining trend. Cluster analysis has identified three types of patriotism: “Loyal Traditionalists” (46,1%)

with passive emotional attachment to the Motherland; “Patriot-Defenders” (26,0%) with pronounced readiness for armed defense of the country; and “Critical Activists” (27,9%), who understand patriotism as civic responsibility for improving the country through open criticism. Each type possesses a distinct socio-demographic profile, indicating structural diversity within the value core and highlighting the role of respondents’ life experiences and social roles in shaping value orientations. The study concludes that the identified value heterogeneity must be taken into account when designing measures of state cultural policy aimed at strengthening civic solidarity and societal consolidation.

Keywords: cultural code, traditional values, patriotism, value transformation, civil solidarity, societal consolidation

For citation: Likhanova T. Yu. Dynamics of traditional values and the typology of patriotism in modern Russia. *Science. Culture. Society*. 2025;31(4):85–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.6>

Acknowledgements: This work is supported by the Russian Science Foundation, project 23-18-00438, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00438/>

References

1. Anikeeva T. Ya., Matveeva L. V., Mochalova Yu. V. Value-semantic codes of intra cultural representations and the problem of civilizational and cultural identity. In: Man in the information space: col. of scientific articles of the XVI All-Russian Interdisciplinary Scientific and Practical Conference with International participation (Yaroslavl, 15-17.11.2018). Yaroslavl: K.D. Ushinsky YaGPU; 2019. P. 359–365. (In Russ.).
2. Parsons T. The system of modern societies. Moscow: Aspekt Press; 1997. (In Russ.).
3. Alexander J. Introduction: Understanding the “Relative Autonomy” of Culture. *Russian Sociological Review*. 2007;6(1):17–37. (In Russ.).
4. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. *Journal of Economic Sociology*. 2005;6(3):25–48. (In Russ.).
5. Tikhonova N. E., Karavay A. V. National Cultural Code: Moral and Ethical Aspects. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025;16.(3):87–119. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2025.16.3.6](https://doi.org/10.19181/vis.2025.16.3.6).
6. Ivanov V. N., Levashov V. K., Sergeyev V. K. Moscow. Russia. Russian world: sociological essays. Moscow: Akademika Publ.; 2012. (In Russ.).
7. Levashov V. K., Velikaya N. M., Shushpanova I. S. [et al.]. How are you, Russia? Express information. 55th stage of the All-Russian sociological monitoring, May 2025. Moscow: FCTAS RAS; 2025. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025).
8. Nazarov M. M. On Political and Ideological Views of Russians. *Vlast’ (The Authority)*. 2015;22(5):65–70. (In Russ.).
9. Selezneva E. V. Patriotism in the structure of values of civil servants. *Research result. Pedagogy and Psychology of Education*. 2023;9(4):67–82. (In Russ.). DOI [10.18413/2313-8971-2023-9-4-0-6](https://doi.org/10.18413/2313-8971-2023-9-4-0-6).
10. Malenkov V. V. The image of patriotism and civil-patriotic orientations of youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2022;22(1):60–65. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-60-65).
11. Shestopal E. B. Deep transformation of identification and value matrixes of Russian society: some thoughts after the roundtable. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2023;1(6):7–30. (In Russ.). DOI [10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-7-30](https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2023-1-6-7-30).
12. Gazieva I. A. Patriotism as a social value: the perception of student youth. *Sociologicheskaja nauka i social’naja praktika*. 2025;13(1):142–169. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.7).
13. Kuznetsov I. M. Variability of Patriotism Discourses in Everyday Consciousness of Russians. *Vlast’ (The Authority)*. 2016;24(7):164–171. (In Russ.).
14. Shashkova Ya. Yu., Aseev S. Yu. Dynamics of the model of patriotism in the minds of senior students in the regions of Siberia in the context of the changing geopolitical situation. *Political Expertise: POLITEX*, 2023;19(3):431–445. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu23.2023.305](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.305).

Received: 15.09.2025. Accepted: 21.10.2025.

Author information:

Tamara Yu. Likhanova, Junior researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

likhanova@испи.рф

ORCID: [0009-0008-8979-6522](https://orcid.org/0009-0008-8979-6522)